

УДК 94 (930) 94/47

**ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА**

Н.А. Магомедов,

доктор исторических наук, зав. отделом Института ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

magomedov43@bk.ru

Аннотация: В статье на основе данных письменных источников и исторической литературы раскрывается внутри- и внешнеполитическое положение народов южной части Дагестана в первой трети XVIII в., когда в регионе сталкивались и переплетались интересы многих мировых держав, но с наибольшим постоянством интересы России, Ирана и Турции. Внутриполитическое состояние Дагестана характеризовалось политической децентрализацией, пестротой этнического состава населения, сложными взаимоотношениями между отдельными феодальными владениями и союзами сельских общин, вмешательством во внутренние дела отдельных обществ соседних держав, которое создавало и без того напряженную обстановку в регионе. Положение народных масс в Дагестане в начале XVIII столетия было настолько трагичным и настолько они были озлоблены произволом персидской администрации, что современники предсказывали неизбежность выступлений масс, что в конечном итоге и произошло. Рассматриваются узловые проблемы восточно-кавказского и западного прикаспийского региона на широком фоне международных событий. Дается взвешенная и объективная оценка внешнеполитической ориентации предводителей крестьянских масс, местных феодалов и владетелей в период антииранских восстаний в регионе, имевших место в первой четверти XVIII в. Как установлено, отличительной особенностью политической жизни народов Южного Дагестана в это период следует считать более определенную ориентацию на Россию в ходе борьбы против иранского владычества и активное противодействие захватническим устремлениям Турции. Все это не отвечало внешнеполитическим интересам иранских и турецких властей, которых к завоеваниям на Кавказе подстрекали западноевропейские государства, прежде всего Англия и Франция.

Ключевые слова: Южный Дагестан, сефевидский Иран, Российская империя, Петр I, внешнеполитическое положение региона, военные походы.

**STATE OF DOMESTIC AND FOREIGN POLICY OF
SOUTHERN DAGESTAN IN THE FIRST THIRD OF THE 18th CENTURY**

N.A. Magomedov,

Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the Institute of History, Archeology
and Ethnography, Dagestan Scientific Center, RAS, Makhachkala

magomedov43@bk.ru

Abstract: Basing on the data of written sources and historical literature, the author of the article presents the state of domestic and foreign policy in Southern Dagestan in the first third of the 18th century when the interests of many world powers, most regularly the interests of Russia, Iran and Turkey, collided and entwined here. The internal political state of Dagestan was characterized by political decentralization, diversity of ethnic composition of the population, complex relationships between individual feudal estates and unions of rural communities, interference of neighboring countries in the internal affairs of societies, it all heightened already tense situation in the region. The state of the Dagestan people at the beginning of the 18th century was so tragic and they were so embittered by outrage of Persian administration that

contemporaries predicted the inevitability of the people's rising, which ultimately happened. In the article, key problems of the East Caucasus and West Caspian region are considered against the wide background of international events. The author gives a balanced and objective assessment of the foreign policy orientation of the leaders of the peasant masses, local feudal lords and rulers in the anti-Iranian uprisings, which took place in the first third of the 18th century. It is established that a distinctive feature of the political life of the peoples of Southern Dagestan during this period was a definite orientation toward Russia in the course of the struggle against Iranian domination and active opposition to the aggressive aspirations of Turkey. It did not meet the foreign policy interests of the Iranian and Turkish authorities, which were incited by Western European states, primarily by Britain and France, to the conquests in the Caucasus.

Keywords: Southern Dagestan, Safavid Iran, Russian Empire, Peter I, state of foreign policy of the region, military campaigns.

На политическое положение Южного Дагестана в первой половине XVIII в. сильнейшее влияние оказывали события не только в самом регионе, но и в соседних с ним областях Дагестана. Сефевидский Иран в начале XVIII в. представлял для народов Дагестана угрозу их политической независимости. Кроме того, горцы Дагестана, являвшиеся суннитами, подвергались и религиозным гонениям со стороны персов – шиитов, что вызвало также недовольство народных масс. В самом начале изучаемого периода народное негодование выражалось главным образом в пассивной форме сопротивления. Недовольство народных масс особенно дало о себе знать на окраинах сефевидской монархии неиранским населением, где гнет местных феодалов сочетался с религиозным преследованием. При осуществлении политики шиитизации азербайджанского народа жители отдельных населенных пунктов подвергались поголовному истреблению. При этом не щадили ни детей, ни стариков, ни ученых с крупными именами. В источниках имеются сведения о массовом бегстве крестьян в отдаленные места, о действиях разбойничьих отрядов, совершавших нападения на отдельные феодальные поместья и купеческие караваны [5, с.66].

Положение народных масс в Дагестане было настолько трагичным и настолько они были озлоблены, что современники предсказывали неизбежность выступлений масс и констатировали, что им не оставалось иного выхода. Первыми поднялись джаро-белоканцы, которые вторглись в район Шемахи, к ним присоединились южнодагестанцы – цахуры. По своему характеру антишахское движение в Джаро-Белоканах возглавили Канли Шабана (Шабан Адалав) и Малла Абдулла, к ним присоединился цахурский Али-Султанбей [11, с. 265]. Со временем антииранскую борьбу возглавили уроженец с. Дебели Мюшкурского уезда Хаджи-Давуд, который после упорной борьбы взял город Шабран, населенный пункт Худат. К нему присоединились многие владельцы Южного Дагестана. Восстания происходили в Курдистане, Армении, Азербайджане и Грузии. С разных сторон к восставшим стекались крестьяне. Повстанцы нападали на шахские и дружины местных феодалов. Бывали случаи истребления местных феодальных родов. Так, например, повстанцами был истреблен род кубинского хана Султан-Ахмедхана [1, с.154]. Борьба угнетенных народных масс в Дагестане развернулась в обстановке глубоких социально-экономических противоречий. После подавления восстания джарцев начались волнения в Кайтаге. В 1710 г. эти волнения вылились в открытое восстание. К восставшим примкнул и уцмий Кайтага Ахмед-хан. Объединившись в один мощный отряд, Хаджи-Давуд, Сурхай-хан, Ахмед-хан приступили к активным действиям в Северном Азербайджане и Южном Дагестане, придав восстанию исключительно антииранский характер [2, с.426.]

Стремясь использовать создавшееся положение, Хаджи-Давуд активизировал свои действия. Он рассылал в разные места Дагестана письма с призывом выступить против сефевидской верхушки. Уговаривал он и феодальных владельцев подняться на антишахскую борьбу. Как бы то ни было, в короткое время под знамена Хаджи-Давуда и Сурхай-хана собралось несколько тысяч горцев, готовых к решительной борьбе с иранцами. 21 июля 1721г. повстанцы осадили Шемаху, а 7 августа 1721 г. заняли этот важный торгово-ремесленный и административный центр Азербайджана [7, с. 182–186]. Причем большую роль в падении Шемахи сыграл переход части горожан на сторону повстанцев. Взяв Шемаху, повстанцы стали поджигать и грабить дома знатных и богатых людей. В то же время повстанцы Джаро-Белокан, Тала и Цахура разбили в Нухинском уезде шахские войска, возглавляемые правителем Ширвана Гусейн- Али-ханом [3, с.167].

Тем временем Хаджи-Давуд и Сурхай-хан в борьбе с сефевидами достигли крупных успехов, заняли низовую дорогу, г. Шабран, восстание охватило окрестности Дербента. Султан дербентский доносил Ф. Бекевине, который «был в Ширване, чтобы бунтовщиков примерить, насили... уходом спасся и приехал в Баку» [10, с.193].

В Шемахе Хаджи-Давуд и Сурхай-хан оставались недолго. Это объясняется, видимо, не только тем, что их там не поддерживали шемахинцы, но и отсутствием у предводителей повстанцев единой тактики, а также противоречиями в лагере горцев, существовавшими с самого начала борьбы. Жители Ахты-пары, как говорится в источнике, «Давуд-беку и Сурхай-хану немалую помощь учинили, притом они добычею себя не забывали и обогатились, и куда приходили, – с обывателями поступали» [9, с. 196.]. Тот же источник сообщает, что «куралинцы, дагестанцы, лезгины и прочие из гор пристали к Давуд-беку и Сурхаю, потом пошли оные к Шемахе, ибо он не укреплен был, силою ворвались, хана и всех высоких чинов побили, также как других обитателей, ибо оные порубили, город ограбили, разорили и великое богатство из оного взяли. Давуд потом сиделище свое взял в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Сурхай ханом разделил» [5, с. 59].

Анализ фактического материала показывает, что в дальнейшем повстанцы ограничивались внезапными нападениями. Нападали они на Акташ, Шабран, Низабад, угрожали Дербенту и другим населенным пунктам. После неудачного нападения на Дербент Хаджи-Давуд для достижения своей цели решил найти новые силы. В этой связи он обратился за помощью к Российскому государству. В одном из писем Хаджи-Давуда астраханскому губернатору И.В. Кикину от 23 апреля 1721 г. говорилось: «Пресветлейшему и державнейшему великого государя подручному и чистейшему, высокородному астраханскому боярину Ивану дружелюбия и доброго здоровья желаю. Преж сего от кизилбаш много обиды были и покою нам от них не стало, что они сделали обиду через силу и за то стали мы с ними, кизилбаш в неприязнестве и за свою кровь им отомстили, и Дербент, Шемаху и Баку осадили...» [9, л.125].

Здесь стоит отметить, что сильнейшее воздействие на внутривнутриполитическое положение Южного Дагестана оказал предпринятый в 1722 году Петром I так называемый персидский поход, имевший целью упрочить позиции России на Каспийском море и в Дагестане, покончить с владычеством Ирана и Турции на Кавказе. Учитывая то, что к этому времени антииранское движение в Южном Дагестане принимало все больший размах, Петр I решил не упустить удобный момент и приступить к походу, «ибо развал сефевидского государства породил опасность поглощения всех его кавказских владений султанской Турцией. Этот давнейший соперник России всячески мешал устремлениям России на Кавказ» [7, с. 182].

При такой ситуации надо было спешить с походом. Уже накануне похода в указе русскому консулу в Персии Аврамову от 25 июня 1722г. писалось, чтобы тот добился от шаха обещаний уступить России хотя бы три каспийских провинции. Но прежде чем сделать решающий шаг, Петр I с присущей ему дальновидностью предпринял меры предосторожности для обеспечения продвижения русских войск на юг. С этой целью император 15июня 1722 г. издал специальный манифест, в котором указывал, что цель его похода в Прикаспий заключается в оказании помощи шаху Гусейну в борьбе с бунтовщиками Хаджи-Давудом и Сурхай-ханом, нанесшими огромный материальный ущерб и русским купцам в Шемахе. Обращает на себя особое внимание часть манифеста, где Петр I гарантирует местному населению полную независимость. Любое насилие, проявленное со стороны русских войск, должно было повлечь за собой строгое наказание. Манифест гласил: «... всем через сие наше императорское милостивое твердо повелеваем, что вышеописанных провинциях жителям обретающим приезжим никому ниже оной убыток и трата учинитца, и самим им и именем их, селам и деревням никто руки не положит, о чем до сего случая военнначальникам нашим и всего войска как от кавалерии, так и от инфантерии офицерам и другим командирам и всему войску приказано, дабы никому озлобления и похищения не чинили, и ежели в малом в чем и то обличены будут и такая казнь и экзекуцию получать» [10, с. 199–201].

4 августа 1722г. жители Дербента послали письмо Петру I о получении манифеста и с просьбой сообщить время его прибытия в Дербент: «Доносили Ваше императорское Величество, что в 28 день получили мы присланные через служителей ваших высоко повелительных указов. Всему свету известно, между В.В. восточного и западного императора содержица дружба и братство и никакого несогласия не было, и ныне о прошествии В.В. все дербентские жители обрадовались Господу Богу хвалу воздадут. Того ради В.И.В. просим милосердия, дабы изволили повелеть о прошествии своем нас уведомить, чтобы всяк по своей возможности в чем будет

потребность, служить могли, а которые по дела противен явятся, тем учинено будет наказания» [4, с.173].

При рассмотрении мотивов похода русских войск в прикаспийские провинции нельзя обойти стороной и сообщения иностранных послов, находившихся в то время в Русском государстве, в частности уполномоченного французского министра при русском дворе Де Кампредона, который писал: «бунтовщики..., разорившие Шемаху, ищут теперь покровительства Порты. Царь никогда не потерпит, чтобы Турция их под свое покровительство приняла и утвердила...это противно интересам всех вообще держав, потому что турки сделались бы тогда господами всей персидской торговли» [7, с.150].

Были письма и другого характера. Так, европейские дипломаты опасались намерений Петра I овладеть местами, где вырабатывался шелк-сырец лучшего качества, поскольку понимали, что при реализации плана Петра I торговля шелком будет целиком монополизирована русским правительством, в то же время южные границы Русского государства будут защищены от внезапных нападений турок и иранцев. В другом донесении сообщалось, что предполагаемая военная кампания Петра I в сторону Шемахи и Дербента предпринимается с целью овладеть этими городами и другими портами на Каспийском море «и тем самым обеспечить в России свободную торговлю шелком» [7, с.157].

В феодальной среде манифест Петра вызвал враждебную реакцию. Хаджи-Давуд тревожился потому, что он был назван «бунтовщиком». Он не только боялся ответить за ограбление и убийство русских купцов, но и не хотел терять в случае прихода русских войск приобретенного положения и земли. Видя в России мощного соперника, Хаджи-Давуд стремился укрепить свои отношения с Турцией. В ответ на манифест Петра I отдельные представители местного населения Южного Дагестана обратились со специальными посланиями к императору, в которых просили помощи и присылки войск для обеспечения их безопасности. В ответ Петр I писал, что их письма получены и что «из оных усмотрели мы, что вы ...имеете к нам верность, и предоставляет свои услуги, что мы приемлем милостию и обнадеживаю вас нашею императорского величества милостию» [10, с. 211]. В 12 августа 1722 г. Петр I, находясь в Тарках, получил еще одно письмо с подписями ста одного дербентца. В письме говорилось, что жители с нетерпением ждут прихода русских в их город и «желают его величеству многолетнего величества» [2, с. 361].

Содержание приведенных писем вполне определенно выражает настроение местного населения и его доброжелательное отношение к приходу русских войск. Встреча русских войск во главе с Петром I в Дагестане была ярким выражением отношений местного населения к Русскому государству. Как свидетельствуют многочисленные источники, дербентский наиб Имам Кули-бек на расстоянии одной версты от города встретил Петра I и в знак покорности и дружбы преподнес ему ключи от городских ворот, произнеся речь следующего содержания: «Мне и всем жителям города чрезвычайно приятно видеть великого императора, шествующего в Дербент для принятия нас под свое высокое покровительство» [10, с. 229]. К Петру I, находившемуся в Дербенте, обращались и отдельные лица, просившие его принять их на русскую службу. В этом отношении характерно обращение дербентского жителя, приехавшего из Шемахи, Муртуза Кули. Он, явившись к Петру I, доложил о шемахинском погроме и в конце беседы заявил, что «желает его императорскому величеству прибыть всегда в верности, и не щадя живота своего» [10, с. 236–41].

По поводу радушного приема русских войск Петр I писал в письме, отправленном в Сенат: «Когда приближались к городу Дербенту, то наиб сего города встретил нас и ключи поднес от ворот. Сии люди нелицемерно любовью приняли и так нам рады как бы своих из осады выручили» [7, с.161]. Однако неожиданные и неблагоприятные обстоятельства воспрепятствовали осуществлению ряда мероприятий, связанных с генеральным планом прикаспийского похода. В то же время Петр I всячески старался не допустить дальнейшего сближения Хаджи-Давуда с Турцией. Петербургский кабинет даже дал секретное указание русскому резиденту в Стамбуле Неплюеву, чтобы он любой ценой помешал принятию Хаджи-Давуда под турецкое покровительство. Но турецкая сторона вынашивала далеко идущие планы, активно покровительствовала Хаджи-Давуду. Как только Петр I покинул пределы Кавказа, турецкий султан отправил грамоту Хаджи-Давуду, обещая покровительство Турции на тех условиях, что и крымский хан. Ему пожаловали ханский титул и власть над Ширваном и Дагестаном, хотя Дербент и провинции Прикаспия и Южный Дагестан были заняты русскими войсками. Султан, отдавая прикаспийские провинции Хаджи-Давуду, тем самым спровоцировал его на столкновение с русскими войсками. Это еще раз подтверждает, что южно-дагестанские феодалы больше стремились к проведению самостоятельной политики, чем вступлению в чье-либо подданство, и

происходило это ввиду безвыходности положения и перемены внешнеполитических обстоятельств.

Следует отметить, что к завоеванию Закавказья Турцию подстрекали западноевропейские государства, прежде всего Англия и Франция. Порта потребовала от России вывода войск с занятой ими территории Кавказа. Однако правительство России не хотело уступать свои позиции. Турецкие войска вскоре вторглись на Кавказ и постепенно стали продвигаться к пределам Южного Дагестана. Войну между Турцией и Россией, казавшуюся неизбежной, все же удалось предотвратить благодаря заключенному в Константинополе в июле 1724 г. договору между ними. По условиям этого договора за Россией закреплялись прикаспийские провинции. Впервые за всю историю международных отношений Россия стала равноправным участником кавказских дел. Константинопольский договор был первым политическим соглашением Российского государства относительно кавказских земель. Если очертить границы территории Дагестана с 1725–1727 г., то пограничная линия между Россией и Турцией проходила следующим образом: к России отошли Цахур, северный и южный Табасаран, г. Дербент с Улусским магалом, Кайтаг; Ахтыпаринское, Докузпаринское и Рутульское общества при разграничении земель отошли к Турции. Гюнейский магал, подвластный Сурхаю, не признавшему русского владычества, был оставлен в составе Казикумухского ханства, которое с Кубинским ханством оказалось в номинальной зависимости от Турции.

Анализ вышеприведенного материала показывает, что накануне нашествия Надир-шаха в Дагестане сохранялась сложная и напряженная обстановка. Внутриполитическое состояние Дагестана, усугубленное политической децентрализацией, пестротой этнического состава населения, сложными взаимоотношениями между феодальными владениями и союзами сельских общин, вмешательством соседних держав, характеризовалось наличием многочисленных очагов напряженности, перераставших в вооруженные столкновения. Такая ситуация, несомненно, способствовала воспитанию дагестанцев как храбрых и умелых воинов, но вместе с тем ослабляла возможность совместного отражения внешней угрозы. Внешнеполитическое положение Южного Дагестана определялось политикой противоборствующих сторон, сложным переплетением русско-иранских и русско-турецких противоречий из-за определения сферы влияния в Южном Дагестане и прикаспийских областях. Отличительной особенностью политической жизни народов Южного Дагестана в это период следует считать более определенную ориентацию на Россию в ходе борьбы против иранского владычества и активное противодействие захватническим устремлениям Турции [6, с.110].

Необходимо учитывать и военно-стратегическое значение территории Южного Дагестана, расположенного на стыке Европы и Азии. Наиболее дальновидные феодальные правители Южного Дагестана в XVIII–XIX вв. стремились к усилению и расширению экономических и политических связей с Россией, включению своих владений в ее состав. Их желание совпадало с политическими и военно-стратегическими целями российского царизма, что послужило основной причиной форсированного включения южно-дагестанских владений в состав России. Если в XVIII в. царизм проводил политику создания на окраинах империи, в частности, в Дагестане, вассальных государств, то в последующем в XIX в. он переходит к прямому захвату этих территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзуманян З.А. Персидский поход Петра I и подъем освободительного движения в Закавказье. М., 1975. – 268с.
2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 3. СПб., 1869. – 628 с.
3. Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // Ученые записки ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1963. Т.ХI.
4. Кюгун-Челебизаде. Тарихи-Челяби-заде. Стамбул, 1967. – 241с.
5. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. – 227 с.
6. Магарамов Ш.А. Борьба с Надир-шахом как фактор укрепления пророссийской ориентации дагестанской правящей элиты // Исторические, философские, политические, и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практик. Тамбов, 2013. № 10–2 (36). С.109–112.

7. *Магомедов Н.А.* Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй половине XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 2001. – 263 с.
8. *Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. – 323 с.
9. Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320.
10. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. док. М., 1988. – 357 с.
11. *Халаев З.А.* Джарские общества во внешней политике сефевидского государства в первой трети XVIII в. // Кавказ и Ближний Восток: от каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 264–267.

REFERENCES

1. *Arzumanyan. Z.A.* Persidskiy pokhod Petra I i podiyem osvoboditelnogo dvizheniya v Zakavkazye. M. 1975. – 268 s.
2. *Butkov P.G.* Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god. Ch. 2. SPb., 1869. – 628 s.
3. *Gadjiyev V.G.* Borba narodov Dagestana protiv vladichystva Irana v nachale XVIII v. / Uchenie zapiski IYAL DF AN SSSR. Makhachkala, 1963. T. XI.
4. *Kugun-Chelebi. Zadeh Tarixi –Chelebi zadeh.* Stambul. 1967. – 241 s.
5. *Leviatov V.N.* Ocherki iz istorii Azerbaydzhana v XVIII v. Baku. 1948. – 227 s.
6. *Magaramov Sh.A.* Bor'ba s Nadir-shahom kak faktor ukrepleniya prorosijskoj orientacii dagestanskoj pravyyashchej ehlity // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie, i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniya. Voprosy teorii i praktik. Tambov, 2013. № 10–2 (36) s. 109–112.
7. *Magomedov N.A.* Derbentskoe khanstvo v russko-iranskix i russko-turetskix vzaimootnosheniyakh vo vtoroy polovine XVIII- nach XIX v. Makhachkala. – 263 s.
8. *Markova O.P.* Rossiya. Zakavkazye i mezhdunarodnyye otnosheniya v XVIII v. M. 1966. – 323 s.
9. Научный архив ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 320.
10. Russko-dagestanskiye otnosheniya v XVIII – nachale XIX v. Sb. dok. M., 1988. – 357 s.
11. *Khalaev Z.A.* Dzharskie obshchestva vo vneshnej politiki sefevidskogo gosudarstva v pervoy trety XVIII v. // Kavkaz i Blizhnij Vostok: ot kaspijskogo pohoda Petra I do raspada derzhava Nadir-shaha. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Mahachkala, 2012. S. 264–267.